

С.М. ВИТКОВСКИЙ

КИТАЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США (2005–2008)

Показано, что в период пребывания у власти в США администрации Буша-младшего американо-китайские отношения достигли значительных высот в своем развитии, одновременно столкнувшись с множеством новых проблем и вызовов. Делается вывод, что взаимоотношения двух стран стали объектом пристального внимания со стороны не только государственных деятелей и политиков, но также и экспертов-обществоведов, которые попытались предложить различные модели разрешения старых и недавно появившихся противоречий между Вашингтоном и Пекином.

The article deals with the Chinese vector in the modern U.S. foreign policy which is considered to be one of the most important in international activities of the White House at the beginning of the XXI century. Under G.W. Bush relations between Washington and Beijing got a new impetus but at the same time new problems and challenges appeared. As a result not only officials and politicians were forced to pay closer attention to this phenomenon but also experts who tried to invent new approaches to numerous problems and contradictions between the two countries.

Одной из главных особенностей современной политической мысли Соединенных Штатов является повышенный интерес к феномену империи. Если раньше данная тема не слишком активно обсуждалась в интеллектуальных кругах (прежде всего из-за негативных коннотаций, возникавших

при упоминании самого термина «империя»), то сегодня почти все известные американские политологи и специалисты в области международных отношений полагают обязательным внести свою лепту в дискуссию на имперскую тематику. Данная тенденция стала особенно заметной в годы правления Буша-младшего, когда Соединенные Штаты столкнулись с глобальной террористической угрозой и были вынуждены искать новую, адекватную сложившимся международно-политическим условиям внешнеполитическую модель. В числе прочих обсуждалась также имперская модель, которая могла стать наиболее эффективным ответом Вашингтона на основные вызовы нового времени. К такому выводу подталкивали и процессы, протекавшие в разных частях земного шара: дальнейшее расширение «постмодернистской империи» – Европейского Союза (далее – ЕС), стремительное возвышение коммунистического Китая, возобновление великодержавной риторики в России. По замечанию видного американского политолога П. Ханна, контуры мировой политики всегда определялись империями, и XXI в. в этом отношении не является исключением. Поэтому США необходимо вести себя именно как либеральной империи, которая стремится к активному взаимодействию с двумя другими центрами имперского влияния – Китаем и Европейским Союзом, с целью дальнейшего совершенствования существующего глобального порядка¹. Особое внимание стоит уделить американо-китайским отношениям, поскольку, в отличие от того же ЕС, КНР демонстрирует необычайно высокие темпы развития, а ее экономический потенциал раскрыт далеко не полностью.

Цель данной статьи – выявить основные черты курса Соединенных Штатов в отношении Китайской Народной Республики в период нахождения у власти второй администрации Буша-младшего (2005–2009).

Сегодня американо-китайские отношения входят в число наиболее обсуждаемых тем в международном научном сообществе. Соответственно даже поверхностный обзор научной литературы, посвященной данной проблеме, потребовал бы отдельного историографического исследования. Поэтому перечислим лишь наиболее значимые, с точки зрения автора данной статьи, работы, которые содержат интересные, нетривиальные оценки и суждения. Необходимо обратить внимание на исследования таких американских авторов, как Ф. Бергстен², Р. Каплан³, П. Ханна⁴, Э. Экономи и А. Сегал⁵. Среди отечественных ученых отметим Ю. Малевич, совокупность публикаций которой позволяет составить весьма полное представление о проблеме прав человека в американо-китайских отношениях в конце XX – начале XXI в.⁶ Наконец, упомянем российских исследователей А. Давыдова⁷, Л. Лебедеву⁸ и П. Подлесного⁹.

К ноябрю 2004 г., когда должны были пройти очередные президентские выборы, республиканцы располагали весьма противоречивым списком внешнеполитических достижений. С одной стороны, им удалось убедить международное сообщество в необходимости более активных действий против терроризма и создать вполне действенную коалицию стран, готовых участвовать в «кредитном походе» против этого зла, с другой – Соединенные Штаты инициировали сомнительную военную кампанию в Ираке, которую многие расценили как нелегитимную, и посодействовали расколу ЕС на сторонников и противников операции по свержению С. Хусейна. Несмотря на все это, республиканцы и проводившийся ими внешнеполитический курс по-прежнему пользовались поддержкой значительной части американского электората.

Как позднее отмечали аналитики, важной особенностью избирательной кампании 2004 г. было то, что вопросы национальной безопасности и внешней политики, обычно занимавшие второстепенные позиции в речах политических лидеров, играли чрезвычайно важную роль в ходе публичных дебатов двух основных кандидатов на пост президента США: Буша-младшего и Дж. Керри¹⁰. Если первый сделал ставку на дальнейшую борьбу с международным терроризмом и одиозными режимами по всему миру, то второй построил внешнеполитическую часть своей программы, основываясь на яростной критике республиканской администрации. Был высказан ряд замечаний в связи с действиями американских военных в Ираке, отношениями с европейскими союзниками по НАТО, диалогом с Российской Федерацией. В качестве альтернативы проводившейся внешней политике предлагалась модель под названием «прогрессивный интернационализм», суть которого заключалась в большем внимании к дипломатическим инструментам внешней политики и создании международных коалиций, которые могли бы стать опорой в защите внешнеполитических интересов Соединенных Штатов¹¹.

В принципе ничего нового демократы не предложили – в 1990-х гг. администрация Б. Клинтона проводила внешнюю политику, во многом схожую с той моделью, которую очертил Керри. В то время Белый дом также делал ставку на коалиционную дипломатию, задачей которой было создание международного альянса с целью распространения на планете идеалов свободы и демократии. В отношениях с проблемными странами, такими как Китай, считалось необходимым совмещать методы «сдерживания» и «вовлечения». В частности, до середины 1990-х гг. американцы, все еще находившиеся под влиянием «комплекса Тяньаньмэнь» и обеспокоенные тем, что впоследствии окрестили «китайским экономическим чудом», предпочитали сдерживать ам-

биции Пекина на международной арене. Вместе с тем, принимая во внимание все больший вес Китая в международной торговле, свою возраставшую импортную зависимость от него, Вашингтон содействовал развитию китайской экономики, вовлечению Пекина в деятельность ведущих финансово-экономических институтов мира.

Отсутствие концептуальной новизны во внешнеполитическом проекте Керри повлияло на исход его избирательной кампании – выборы были проиграны. Не сумев предложить радикальных мер для исправления тех ошибок на международной арене, которые были допущены командой Буша-младшего, и не осмелившись выйти за рамки традиционного для Демократической партии видения внешней политики, Дж. Керри не предстал в глазах избирателей как фигура яркая и способная изменить ситуацию к лучшему.

В январе 2005 г. состоялась вторая инаугурация Буша-младшего. Прежде чем приступить к активной работе, президент произвел некоторые кадровые перестановки в собственной администрации. Как и предполагалось, своего поста лишился государственный секретарь К. Пауэлл, который в свое время высказал сомнения по поводу целесообразности отдельных шагов Буша-младшего на мировой арене. На его место пришла К. Райс, занимавшая в первой администрации пост советника по национальной безопасности. Это свидетельствовало о том, что внешняя политика Соединенных Штатов будет строиться в будущем на тех же принципах, что и после сентября 2001 г. В то же время во второй свой президентский срок Буш-младший предпринял несколько попыток смягчить то негативное впечатление, которое вызвали его политические решения в период после сентября 2001 г. Об этом свидетельствовал, в частности, целый ряд публичных заявлений главы государства на протяжении 2005–2006 гг., в которых внимание уделялось не только силовым, но и дипломатическим средствам внешней политики и тон которых был менее агрессивным, чем в предыдущий период. К этому подталкивала и внутривнутриполитическая ситуация: по итогам выборов в Конгресс США, состоявшихся в ноябре 2006 г., Демократическая партия получила 233 места против 202, доставшихся республиканцам¹². За этим последовала отставка министра обороны Д. Рамсфелда, на которого демократы возложили ответственность за просчеты в иракской кампании. Согласие же Буша-младшего «пожертвовать» министром обороны можно расценить как лишнее доказательство того, что под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов действия республиканской администрации на международной арене становились более взвешенными и поддающимися контролю со стороны оппозиционных сил¹³.

Квинтэссенция внешнеполитических взглядов второй администрации Буша-младшего содержа-

лась в новой версии Стратегии национальной безопасности, обнародованной весной 2006 г. Первая редакция этого документа, принятая спустя год после террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне, отличалась незрелостью, эмоциональным стилем изложения установок и принципов внешней политики Соединенных Штатов. Текст же нового документа более сдержан и оставляет впечатление большей уверенности авторов в собственной правоте. Новая Стратегия также конкретизировала многие концептуальные положения, содержащиеся в первой редакции. В ней подтверждалась приверженность Белого дома идеям войны против международного терроризма и превентивных силовых действий в отношении стран, поддерживающих террористические силы. Был сделан акцент на поддержке «эффективных демократий». В отличие от документа 2002 г., который поощрял демократическое развитие, однако не придавал этому положению никакой конкретики, Стратегия 2006 г. приветствовала «цветные» революции в Украине, Грузии и Кыргызстане¹⁴.

Вместе с тем новая версия указанного документа содержала некоторые «смягчающие» формулировки. В частности, особое внимание было уделено диалогу с зарубежными союзниками США; подчеркивалось значение дипломатии в налаживании эффективного взаимодействия с ведущими державами, способными оказать Вашингтону поддержку в борьбе с международным терроризмом. В целом Стратегия национальной безопасности 2006 г., подтверждая внешнеполитические ориентиры, обозначенные еще при первой администрации Буша-младшего, вносила некоторые изменения в тот дипломатический механизм, который использовался для их реализации. А это придавало несколько иное звучание отношениям Вашингтона со многими столицами, в том числе с Пекином.

Переходя непосредственно к анализу американо-китайских отношений в 2005–2008 гг., отметим, что в целом они развивались в том же русле, что и при первой администрации Буша-младшего, хотя их повестка и была более насыщенной. Так, уже весной 2005 г. вновь напомнил о себе тайваньский вопрос. В столице Соединенных Штатов состоялась встреча японских и американских военных специалистов, входивших в состав совместного консультативного комитета по вопросам обороны. Итогом совещания стало подписание декларации, в которой обе стороны заявили: мирное разрешение тайваньской проблемы является для них одной из важнейших геополитических задач в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это событие в значительной мере обеспокоило руководство КНР, для которого подписание вышеназванной декларации стало свидетельством очередной попытки вмешательства в отношения между Пекином и Тай-

бзем. Спустя некоторое время, в марте 2005 г., в Китае был принят Закон, разрешивший правительству применить военную силу в отношении Тайваня в том случае, если его стремление к независимости перейдет некие дозволенные границы. Вслед за этим председатель КНР Ху Цзиньтао отдал распоряжение принять меры по подготовке к возможному вооруженному конфликту¹⁵. Такое поведение китайских властей можно расценить как стремление не только предостеречь руководство Тайваня от намерения произвести сепарацию, но также показать всему остальному миру, прежде всего США и Японии, что Китай готов в случае необходимости пойти на самые жесткие меры в отношении тайваньских борцов за независимость.

Данная ситуация стала лишним доказательством того, что наиболее важным аспектом американо-китайских отношений по-прежнему оставалась тайваньская проблема. В связи с этим необходимо отметить, что Буш-младший так же, как и его предшественники на посту президента Соединенных Штатов, был вынужден занимать в тайваньском вопросе весьма противоречивую позицию. Многими своими действиями Белый дом стремился показать, что он готов к улучшению отношений с КНР и может пойти ради этого на некоторые уступки. В то же время необходимость учитывать интересы различных групп влияния внутри политической элиты США, а также соображения национального престижа не позволяли Вашингтону сделать существенные уступки в тайваньском вопросе. К тому же, по мнению автора статьи, Буш-младший стал заложником собственной внешнеполитической концепции, основанной на болезненном стремлении доказать состоятельность Соединенных Штатов в качестве мирового лидера и координирующего механизма всей системы международных отношений. Такая изначальная установка явно не оставляла пространства для существенных уступок Пекину. Однако в начале 2008 г. у Соединенных Штатов появилась возможность дистанцироваться от тайваньской проблематики без ущерба для своего международно-политического реноме: на острове прошли очередные президентские выборы, по итогам которых новым его главой стал представитель партии Гоминьдан Ма Инцзю. Еще в ходе избирательной кампании этот политик заявил, что основное внимание намерен уделить сближению позиций Тайваня и континентального Китая, что явно контрастировало с подходом предыдущего президента Чэня Шуйбяня, яростно защищавшего независимый статус острова и проводившего весьма провокационный курс в отношении Китайской Народной Республики. Новый лидер выражал интересы той части населения, которая стремилась к установлению более тесных деловых контактов с КНР – а таких в Китайской Республике становилось с каждым годом

все больше. Одним из первых значительных начинаний нового главы государства явилось установление прямого авиационного сообщения между Тайванем и континентальным Китаем – жест символический, задававший общий позитивный настрой в межкитайских отношениях¹⁶.

Таким образом, вторая администрация Буша-младшего продемонстрировала в тайваньском вопросе большую готовность к поиску компромиссных решений, нежели администрации Буш-старшего и Клинтона в конце XX в. Данная позитивная тенденция нашла свое практическое продолжение во многом благодаря эволюции политического климата на Тайване, где все большее число людей желали прагматических, взаимовыгодных отношений с материковым Китаем. Разумеется, это не означало сиюминутного разрешения застарелых проблем, но все же создавало лучшие условия для дальнейшего диалога между США и КНР.

В продолжение стоит отметить, что тайваньская проблема всегда находилась в тесной связи с военно-политической компонентой американо-китайских отношений. Упреки Белого дома в адрес Пекина по поводу закрытости данных о военном бюджете КНР увязывались с намерениями решить все проблемы в отношениях с Тайбэем силовым путем. В свою очередь власти коммунистического Китая высказывали претензии по поводу военно-технического сотрудничества между Соединенными Штатами и Китайской Республикой, параллельно указывая на рост оборонных затрат США. Этот узел противоречий существовал на протяжении многих лет, но особую актуальность приобрел именно в начале XXI в., когда президентом США был Буш-младший: в это время Соединенные Штаты начали все более активно наращивать бюджетные затраты на оборону, что связано прежде всего с проведением военных операций в Афганистане и Ираке. Кроме того, немалых средств требовала реализация национальной программы противоракетной обороны (НПРО), входившая в число приоритетов 43-го президента США. Данные о военных расходах США в 2001–2008 гг. (табл. 1) позволяют сделать вывод о том, что претензии китайской стороны в целом носили обоснованный характер¹⁷.

Таблица 1

**Расходы США на национальную оборону
(% от общей суммы федерального бюджета)**

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
%	16,4	17,3	18,7	19,9	20	19,7	20	20,7

Вместе с тем необходимо заметить, что недовольство Вашингтона недостаточной прозрачностью военного бюджета КНР также вполне закономерно. В научной литературе можно встретить различные оценки реальных военных расходов коммунистического Китая, однако все они указывают на то, что подлинный военный бюджет

страны больше официально заявленного приблизительно на 40–50 %¹⁸. Немалые опасения в Соединенных Штатах вызывали также активные военные закупки, начатые Китаем в 2000-х гг. Так, если в 1997 г. расходы на закупку новых вооружений составили 31,45 % военного бюджета страны, то в 2003 г. – уже 34 %¹⁹. О правомерности американских претензий свидетельствуют данные табл. 2²⁰.

Таблица 2

**Доля официальных военных расходов
в ВВП КНР, %**

Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
%	1,09	1,19	1,31	1,36	1,5	1,65	1,63	1,55

Не меньшее влияние на состояние отношений между двумя державами в период нахождения у власти Буша-младшего оказывала северокорейская ядерная проблема. Соединенные Штаты и Китай совершенно по-разному видели перспективы ее урегулирования, что в немалой степени способствовало появлению новых разногласий. Обладая реальным влиянием на ситуацию в Северной Корее, Китай тем не менее проводил по отношению к ней атональную политику: с одной стороны, осудил за проведенные осенью 2006 г. ядерные испытания, а с другой – Пекин никогда не оказывал на северокорейское руководство того политического давления, на котором настаивали Соединенные Штаты с целью принудить к более решительным шагам в рамках шестисторонних переговоров по ядерной проблеме, начатых в 2003 г. Это вызывало крайнее раздражение в Белом доме, который при Буше-младшем исповедовал мессианские взгляды на северокорейскую ядерную проблему²¹. Для того чтобы понять, каким образом можно было бы согласовать позиции Белого дома и Пекина в данном вопросе, необходимо иметь четкие представления о том, какой сценарий развития ситуации на Корейском полуострове наиболее приемлем для каждой из сторон.

Что касается Китая, то ответ на данный вопрос дать не так просто, как может показаться на первый взгляд – прежде всего потому, что Китай никогда не озвучивал свои внешнеполитические установки столь же громко, как Соединенные Штаты. Тем не менее можно предположить, что Китай заинтересован в том, чтобы у власти оставался нынешний северокорейский режим – разумеется, при условии его адекватности и готовности идти на уступки в шестисторонних переговорах. В этом случае Пекин сохранит высокий уровень влияния на внутривнутриполитическое положение в КНДР, что позволит ему играть косвенную, но при этом весьма важную роль в межкорейском диалоге. Кроме того, «северокорейский фактор» может помочь КНР сдерживать геополитические амбиции Японии и влиять на политические маневры США в Восточной Азии.

Относительно Соединенных Штатов можно сказать следующее. В начальный период правления Буша-младшего в его администрации происходила борьба между тремя группами влияния, которые можно обозначить как «мессианцев», «прагматиков» и «цинников»²². Первой из них было присуще видеть решение северокорейской проблемы если не силовым путем, то по крайней мере с помощью жестких санкций и дипломатического давления на Пхеньян. Вторая ставила на продление статус-кво, а третья вообще склонялась к тому, чтобы извлечь из сложившегося на Корейском полуострове положения некую выгоду для Соединенных Штатов, не вдаваясь при этом ни в какие этические рассуждения. В конечном итоге возобладала позиция первой группы, что обусловило дипломатическую линию США на вышеупомянутых переговорах и постоянные претензии к Китаю относительно его аморфной политики в отношении КНДР. Такое поведение обусловило отсутствие консенсуса на переговорах, их постоянное затягивание и все новые приступы истерии у руководства Северной Кореи. В целом администрация Буша-младшего не сумела добиться значительных успехов на корейском направлении. И в конце 2008 г., накануне очередных президентских выборов в Соединенных Штатах, все надежды на успешное продолжение переговорного процесса, а также развитие американо-китайского диалога по северокорейской проблематике связывались с будущим главой Белого дома.

Что касается влияния иранского фактора на американо-китайские отношения, то летом 2002 г. стало известно о наличии у Ирана тайной ядерной программы. Вслед за этим Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) начало специальное расследование, в ходе которого были выявлены многочисленные нарушения иранцами соглашения о гарантиях, а также закупки ядерных материалов у нелегальных поставщиков. Сложившаяся ситуация разделила международное сообщество. С одной стороны, Соединенные Штаты заняли предельно жесткую позицию по отношению к Тегерану, допуская в случае необходимости применение военной силы. Европейский Союз, высказав принципиальное согласие с позицией Вашингтона, настоял на более мягких дипломатических средствах давления на исламскую республику. С другой стороны, Китай и Россия избрали амбивалентную модель поведения. В частности, власти коммунистического Китая стремились выработать такую линию, которая позволила бы подтвердить самостоятельный характер внешней политики КНР, не обострив при этом отношений с США и сохранив репутацию державы, выступающей за многополярный мир и солидарность развивающихся стран. Следствием же этого явилась сложная, противоречивая дипломатическая игра. Так, Пе-

кин всегда выступал за поддержание единого фронта стран, добивающихся соблюдения режима нераспространения, а также за максимальное усложнение процедуры выхода из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). К тому же КНР неоднократно высказывалась за возобновление сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ, за повышение его эффективности. Кроме того, Китай поддержал усилия международного сообщества, направленные на повышение действенности санкционного режима в отношении исламской республики, о чем свидетельствовала его позиция в Совете Безопасности ООН: без одобрения со стороны Китая принятие резолюций СБ ООН 1737, 1747 и 1803 (декабрь 2006 – март 2008 г.) было бы невозможным²³.

Вместе с тем КНР предельно щепетильно отнеслась к тексту указанных резолюций, стремясь сделать содержащиеся в них формулировки как можно более мягкими. Неоднократно Пекин затягивал переговоры по той или иной резолюции; при этом складывалось впечатление, будто он стремится не столько исправить текст документа, сколько создать вокруг себя информационный фон, который доказал бы его добродушное отношение к Ирану. Помимо этого, несмотря на заявления Пекина о желании повысить эффективность санкционного режима в отношении исламской республики, именно он поспособствовал тому, что санкции носят сегодня весьма ограниченный, точечный характер. Все это вызвало раздражение в Вашингтоне и явно не содействовало улучшению американо-китайских отношений, хотя, принимая во внимание их сложную природу, не стоит видеть в иранском факторе лишь негативное явление. Так, опасаясь, что излишне благожелательное отношение к ядерному проекту Ирана может привести лишь к ускоренному развертыванию американской ПРО, Китай, как уже отмечалось, занял весьма сдержанную позицию. Это доказывает, что на основе иранской и подобных ей проблем возможно не только ухудшение отношений между Вашингтоном и Пекином, но и взаимное сдерживание, и более внимательное отношение к интересам друг друга.

Весьма значительную роль в американо-китайских отношениях во второй президентский срок Буша-младшего играл индийский фактор. В начале XXI в. особую популярность среди исследователей получила точка зрения о том, что Вашингтон, после начала стремительных экономических реформ в Поднебесной, рассматривает Индию как своеобразный противовес китайскому влиянию в Азии. В годы правления Буша-младшего данный тезис получил особый резонанс и даже некое практическое преломление во внешней политике республиканской администрации. В частности, весной 2006 г. Буш-младший нанес официальный визит в Индию, по итогам которого было подписано несколько межгосу-

дарственных соглашений, важнейшее из них касалось сотрудничества в сфере ядерных технологий. По замечанию И. Валлерстайна, это событие можно расценить как внешнеполитический просчет Белого дома и крупную дипломатическую победу Дели. С одной стороны, США, выступившие в 1998 г. против обретения Индией статуса ядерной державы, пошли на подписание документа, придавшего индийскому ядерному оружию статус международной легитимности. С другой стороны, индийцы получили от администрации Соединенных Штатов своеобразную индульгенцию за отказ подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и новые козыри в затянувшемся конфликте с Пакистаном²⁴. При этом маловероятно, что Дели когда-либо согласится на ту роль противовеса китайскому влиянию, которую пытались навязать ему американцы; скорее в дальнейшем Индия будет развивать отношения как с Вашингтоном, так и с Пекином, руководствуясь при этом лишь своими, а не чужими интересами, – не стоит забывать, что у этой державы имеется немалый опыт политического лавирования, приобретенный ею в годы холодной войны.

Осень 2007 г. была отмечена массовыми акциями протеста в Мьянме. Граждане страны, прежде всего монахи, высказали свое несогласие с политикой военной хунты, правящей с конца 1980-х гг. Возмущение международного сообщества вызвали не столько действия властей этой страны, сколько позиция КНР, которая, обладая немалым влиянием на ситуацию в Мьянме, продемонстрировала более чем пассивный подход к урегулированию ее внутривнутриполитических проблем, апеллируя к принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Разумеется, если взглянуть на данную ситуацию с прагматической точки зрения, то действия китайских властей (точнее, их отсутствие) отвечали всем критериям рациональности. Во-первых, не делая резких заявлений и никоим образом не давя на режим Мьянмы, Пекин удержал в сфере геополитического влияния сателлит, который занимает выгодное с военной точки зрения географическое положение и позволяет размещать на своей территории военные объекты КНР. Во-вторых, схождение Мьянмы с геополитической орбиты Китая привело бы к усилению позиций Индии, проявляющей постоянный интерес к Юго-Восточной Азии и соперничающей с Китаем, в том числе и за влияние в бывшей Бирме²⁵.

Все это не имело значения для Соединенных Штатов – Вашингтон призвал ввести жесткие санкции в отношении режима генерала Тан Шве, изолировавшего страну и подавлявшего любые оппозиционные настроения. Однако все усилия США (в частности, в рамках Совета Безопасности ООН) были сведены к нулю действиями Пекина и Москвы, которые блокировали принятие

жесткой резолюции по ситуации в Мьянме, настояв на более мягком варианте. Как следствие, реакция международного сообщества, выраженная устами Объединенных Наций, оказалась весьма размытой. За этим в США последовала масса публикаций, обличавших коммунистический Китай, выражавших сомнение в том, что эта страна превратится когда-нибудь в «нормальную» державу, способную взять на себя ответственность за положение дел на мировой политической арене²⁶. Разумеется, подобный тон не создавал прочных основ для дальнейшего продуктивного диалога между США и КНР.

Последний год президентства Буша-младшего оказался весьма насыщенным событиями в американо-китайских отношениях: провозглашение независимости Косово, по поводу которого стороны заняли противоположные позиции; XXIX летние Олимпийские игры в Пекине, вызвавшие множество разногласий политического характера; военное столкновение между Грузией и Россией, по-разному интерпретированное в Вашингтоне и Пекине. Конечно же, особого внимания заслуживают Олимпийские игры, так как они подвели символическую черту под политикой Буша-младшего в отношении Китая, а во время подготовки к ним с особой силой заявили о себе все противоречия, характерные для американо-китайских отношений в начале XXI в. В то же время это грандиозное спортивное событие рельефно очертило бесспорные достижения в американо-китайском диалоге, ставшие возможными во многом благодаря Бушу-младшему.

Как известно, накануне Игр вновь усилилась критика в адрес Поднебесной в связи с нарушениями прав человека – в этой ситуации президент США должен был сделать сложный моральный и политический выбор. В области внешней политики Буш-младший всегда действовал, отталкиваясь от идеи о необходимости защиты американских ценностей, восстановления престижа США, подорванного террористическими атаками 11 сентября 2001 г. Это обязывало его прислушаться к доводам борцов за права человека и показать свое негативное отношение к пекинской Олимпиаде. Таким образом, 43-й глава Белого дома мог войти в историю как вполне последовательный политик, защитник определенных идеалов. Однако администрация Буша-младшего слишком многое сделала для улучшения отношений с Поднебесной, чтобы жертвовать всеми достижениями ради демонстрации морального превосходства Соединенных Штатов над Китаем, которое не принесло бы ничего, кроме еще большей напряженности в двусторонних отношениях и экономических потерь для американских компаний, задействованных в подготовке Олимпиады²⁷.

На рубеже 2007–2008 гг. начались волнения в Тибете, что лишь добавило теме Олимпиады по-

литической злободневности. Во многих городах мира, где проходила эстафета олимпийского огня, были организованы акции в поддержку тибетцев. Официальный Пекин расценил все происшедшее как провокацию, нацеленную на дискредитацию КНР накануне Игр. Некоторые аналитики, в частности российский ученый А. Давыдов, вообще склонны видеть в этом итог длительной работы американских спецслужб по дестабилизации внутреннего положения в Поднебесной²⁸. По нашему мнению, столь однозначная трактовка тех событий необоснованна, поскольку многие действия американской стороны накануне Олимпиады свидетельствовали скорее об отсутствии четкой линии поведения, нежели о ясном намерении дискредитировать Китай. Растерянность Вашингтона объяснялась, например, тем, что длительное время не удавалось принять решение, стоит ли главе государства присутствовать на открытии Игр. Более того, постоянно изменялось видение тибетских событий: в них попеременно просматривалась то внутренняя проблема, то событие, затрагивающее интересы всего международного сообщества.

Таким образом, летняя Олимпиада 2008 г. не только обострила некоторые из старых противоречий в американо-китайских отношениях, но, выражаясь более образно, дала возможность составить их панорамное видение – с характерными для них политическими разногласиями, сложностью взаимного восприятия, диалектическим сочетанием партнерства и соперничества. Символическим можно назвать итог «олимпийского» этапа отношений между двумя великими державами: Буш-младший присутствовал на открытии Игр, тем самым подтвердив свое стремление войти в историю как политик, для которого большее значение имел все же прагматический диалог с Китаем, а не конфронтация из-за эфемерного престижа.

Таким образом, за четыре года (2005–2008) американо-китайских отношений, когда у власти в Соединенных Штатах находилась вторая администрация Буша-младшего, двустороннее взаимодействие вышло на новый уровень: перейдя от заявлений общего характера к конкретным действиям, стороны смогли убедиться в том, что эффективный диалог между ними вполне возможен, а разногласия, ранее казавшиеся принципиальными (а потому непреодолимыми), могут быть нивелированы с помощью взаимных уступок. Этот прогресс стал возможным как благодаря возросшей экономической взаимозависимости сторон, так и новым условиям международной жизни в начале XXI в. Соединенные Штаты, постепенно приходя к пониманию того, что ресурсы одной – пусть и весьма могущественной – державы недостаточны для мировой гегемонии, склонялись к той внешнеполитической концепции, которую кратко можно охарактеризовать как

отказ от «глобального доминирования» в пользу «подлинного мирового лидерства». КНР также осознала, что гораздо проще стать частью международной системы, созданной при активном участии Соединенных Штатов (чтобы затем содействовать ее эволюции в выгодном Пекину направлении), нежели ставить себя вне рамок сложившегося миропорядка, тем самым замедляя процесс воплощения в жизнь собственных политических проектов. Очевидным становилось и то, что решение тайваньской проблемы, как и многих других, невозможно без благожелательных отношений с Белым домом. Все это и послужило основой для повышения коэффициента полезного действия американо-китайского диалога в обозначенный период.

¹ См.: Khanna P. *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order*. New York, 2008. P. 13–15.

² См.: Bergsten F. *A Partnership of Equals* // *Foreign Affairs* [Electronic resource]. 2008. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.org/20080701faessay87404/c-fred-bergsten/a-partnership-of-equals.html>. Date of access: 16.01.2009.

³ См.: Kaplan R. *Center Stage for the 21st Century* // *Foreign Affairs* [Electronic resource]. 2009. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/print/64832>. Date of access: 03.04.2009.

⁴ См.: Khanna P. *Op. cit.*

⁵ См.: Economy E., Segal A. *The G-2 Mirage* // *Foreign Affairs*. 2009. № 3. P. 14–23.

⁶ См.: Малевич Ю. *Права человека в мировой политике*. Мн., 2001.

⁷ См.: Давыдов А. *Олимпиада в Пекине: «игры» вокруг Игр* // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 6. С. 3–16; Он же. *США – КНР: партнерство или соперничество?* // *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 6. С. 2–9.

⁸ См.: Лебедева Л. *Социальные ориентиры XXI века: выбор США* // *США, Канада: экономика, политика, культура*. 2009. № 3. С. 42–52.

⁹ См.: Подлесный П. *Вопросы внешней политики в избирательной кампании США* // *США, Канада: экономика, политика, культура*. 2004. № 6. С. 18–33.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же. С. 18–19.

¹² См.: Winger R. *Ballot Access News: Volume 22, Number 9* // *Ballot Access News* [Electronic resource]. 2007. Mode of access: <http://www.ballot-access.org/2007/010107.html#10>. Date of access: 16.06.2009.

¹³ См.: Epstein J. *Rumsfeld resigns* // *The Daily Princetonian* [Electronic resource]. 2007. Mode of access: <http://www.dailyprincetonian.com/2006/11/09/16499>. Date of access: 17.05.2009.

¹⁴ См.: *The National Security Strategy 2006* // *The White House* [Electronic resource]. 2006. Mode of access: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006>. Date of access: 07.06.2009.

¹⁵ См.: Ramonet I. *Chine contre Chine* // *Le Monde Diplomatique*. 2005. № 4. P. 1.

¹⁶ См.: Sun Y., Tang E. *Taiwan, China Start Direct Links as Relations Improve* // *Bloomberg.com* [Electronic resource]. 2008. Mode of access: <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601080&sid=aFvZy0n6si.Q>. Date of access: 12.04.2009.

¹⁷ См.: Лебедева Л. *Указ. соч.* С. 44.

¹⁸ См.: Каменов П. *Военная политика КНР* // *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 5. С. 9.

¹⁹ См.: Плотников А. *Военный бюджет и расходы на закупку вооружений в Китае* // *Проблемы Дальнего Востока*. 2004. № 1. С. 99.

²⁰ Там же. С. 97.

²¹ См.: Асмолов К. *Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии (окончание)* // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 6. С. 43–44.

²² Там же. С. 42.

²³ См.: Калядин А. *Ядерный вызов Ирана в ракурсе Совета безопасности ООН* // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 12. С. 51–55.

²⁴ См.: Wallerstein I. *The United States and India: New Best Friends?* // *Fernand Braudel Center* [Electronic resource]. 2006. Mode of access: <http://www.fbc.binghamton.edu/181en.htm>. Date of access: 03.05.2009.

²⁵ См.: Tynan D. *Crisis in Myanmar: Can China Play Mediator?* // *Diplomatic Courier* [Electronic resource]. 2007. Mode of access: <http://www.diplomaticcourier.org/kmitan/articleback.php?newsid=19>. Date of access: 24.04.2009.

²⁶ См.: Burma I. *Culture is no excuse for China denying its people democracy* // *The Guardian* [Electronic resource]. 2008. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/feb/03/china.humanrights>. Date of access: 20.05.2009; Tynan D. *Op. cit.*

²⁷ См.: Давыдов А. *Олимпиада в Пекине: «игры» вокруг Игр* // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 6. С. 8–9.

²⁸ Там же. С. 10–11.

Поступила в редакцию 19.06.09.

Святослав Мечиславович Витковский – аспирант кафедры международных отношений. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений А.В. Шарапо.